

Юлия Остапенко

Ромашка

Часть сборника
Жажда снящих (сборник)

Юлия Остапенко

Ромашка

«Автор»

2005

Остапенко Ю. В.

Ромашка / Ю. В. Остапенко — «Автор», 2005

«Анька говорила только несколько слов: «любит», «не любит» и «ромашка». Ромашки она действительно очень любила, но последнее слово заодно служило обращением к Ромке. Он был единственным, к кому она прямо обращалась. Сам Ромка подозревал, что Анька знает гораздо больше, да и вообще соображает получше многих...»

© Остапенко Ю. В., 2005

© Автор, 2005

Ромашка

Есть такой конкурс – «Рваная грелка». Если вы завсегдатей глобальной сети, то почти наверняка слышали о нём, а если нет, то могли читать сборники «Псы любви» и «Гуманный выстрел в голову», составленные из лучших «грелочных» рассказов. Правила просты и беспощадны: за трое суток написать рассказ на заданную тему. Дважды в год сотни сочинителей, среди которых как юные графоманы, так и матёрые писатели, вяжутся в эту чудовищную авантюру только ради того, чтобы в очередной раз проверить, а на что же они способны. Ведь хочется не просто написать, а чтоб потом стыдно не было. Это, знаете ли, вызов. И это, знаете ли, затягивает. И каждый раз удивляет.

Я вот, например, ужасно удивилась осенью 2004-го года, когда написала для «Грелки-8» аж целых три рассказа. Первый из них («Полтюбика жидкой удачи») удивил меня тем, что пробудил давнюю, нежную, но, казалось, почти забытую любовь к «Звёздной пехоте» Р. Хайнлайна, в которой я этим рассказом и признаюсь. Второй («Мраколюд») поразил тем, что я написала постебушку (совершенно чуждый мне жанр!), да ещё и на тему сделки с дьяволом, при том, что тему-то эту я терпеть не могу! Ну а третий, «Ромашка», нешуточно озадачил тем, что «порвал» «Грелку», то есть занял на конкурсе первое место.

Нет, всё-таки «Грелка» – это ужасно интересно...

Анька говорила только несколько слов: «любит», «не любит» и «ромашка». Ромашки она действительно очень любила, но последнее слово заодно служило обращением к Ромке. Он был единственным, к кому она прямо обращалась. Сам Ромка подозревал, что Анька знает гораздо больше, да и вообще соображает получше многих. Просто она была очень неразговорчивой. Тётя Лена говорила, что это по-научному называется «аутизм», и Анька всегда такая была. «Почему же они её не *выключили*, – думал иногда Ромка. – Зачем она-то им нужна. Какой им с неё прок...»

Но вслух он этого, конечно, не говорил. Анька вообще-то была хорошая – не болтала глупости и ничего от него не хотела. Не то что остальные девчонки во дворе – те вечно жизни ему не давали всякий раз перед очередным *выходом*, набивались в дом, визжали и всё чего-то клянчили: то колготки, то шоколадку, то ещё что-нибудь. А Анька сидела в своём уголке и беззвучно шевелила губами. Девчонкам Ромка привозил, что просили, но только чтобы не расстраивать тётю Лену – она и так считала, что он огрубел и очерствел на этой работе, и очень переживала, а ему не хотелось её огорчать. Всё-таки она ему с трёх лет была вместо матери. Мать Ромки умерла так же, как и его отец, и как ещё два с половиной миллиарда человек, просто и быстро, в одно мгновение, кто где – одни в своей постели, если на их полушарии была ночь, другие падали посреди запруженных улиц, на глазах тех, кто почему-то уцелел. Никто так до сих пор и не знал, что именно произошло – эти два с половиной миллиарда не умерли даже, они просто перестали жить. Словно их *выключили*.

Было известно только, что это сделали *Другие*, и больше ничего.

В день, когда у Ромки умерла собака, он был *на выходе*, и даже не смог сам её похоронить. Тётя Лена сказала, что дала Чаку старые консервы – они были просрочены и пахли неважно, так что есть их она побоялась, а выбросить пожалела. Пёс понюхал и вроде ничего, поел с аппетитом, а через час у него пена изо рта пошла, и к вечеру он издох. Тётя Лена закопала его на заднем дворе. Она плакала, рассказывая Ромке об этом, а он не утешал её, только с силой стискивал зубы. Чак был псиной старой, но преданной. Кроме тёти Лены с Анькой, у Ромки только и было дорогих существ, что Чак. Ну, ещё Женька, но Женька не считается.

На заднем дворе Ромка без труда нашёл клочок взрыхлённой земли. Анька сидела не на своих любимых ржавых качелях, а как раз возле этого клочка, на обломке бетонной плиты, и обрывала лепестки ромашки. Ромашка была большая, ещё сочная – Анька вытащила её из букета, который притащил Ромка. Каждый раз, отправляясь *на выход*, он приносил ей букет ромашек. Теперь они росли только там, за невидимой стеной. Стены на самом деле не было, но любой, кто пытался самовольно покинуть город, падал на землю, будто подкошенный, и больше не поднимался. А там, снаружи, никто не умирал. И туда *Другие* пускали избранных работать и получать заслуженную награду – продукты, одежду, медикаменты... и цветы. Хотя цветы не считались частью пайка – они просто росли себе, чаще всего в трещинах на заброшенных асфальтовых дорогах. Никто из «счастливчиков», как называли тех, кого *Другие*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.